

Симбирскія Справжальныя Вѣдомости.

ВЫХОДЯТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

1 Апрѣля

№ 7.

1911 года.

ГОДЪ

Подписка принимается въ редакціи при
Симбирской Духовной Консисторіи.
Цѣна годовому изданію съ доставкой и
пересылкою 4 руб. 50 коп.

XXXVI.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ

перенесенія въ гор. Симбирскъ въ 1911 году изъ Жадовской пустыни Чудотворной Казанскія иконы Божіей Матери и обратнаго изнесенія ея изъ гор. Симбирска и препровожденія въ Жадовскую пустынь.

1) Въ день перенесенія въ гор. Симбирскъ Чудотворной Казанскія иконы Божіей Матери изъ Жадовской пустыни **15 мая**, для извѣщенія гражданъ о наступленіи времени крестнаго хода къ срѣтенію святаго иконы, въ 6^{1/2} часовъ утра начнется звонъ въ кафедральномъ соборѣ и во всѣхъ градскихъ церквахъ, а къ 7 ч. мѣстное градское духовенство съ кре-

стами, хоругвями и святыми иконами соберется къ Богоявленской церкви для шествія отъ сей церкви церемоніально по Московскому тракту къ назначенному за городомъ мѣсту срѣтенія св. иконы; поздняя литургія во всѣхъ церквахъ имѣеть быть совершена по принесеніи святыя иконы въ каедральный соборъ.

2) Чудотворная Казанская икона Божіей Матери, по встрѣчѣ и принесеніи въ г. Симбирскъ, съ приличествующимъ торжеству церемоніаломъ и при колокольномъ звонѣ, **15 мая** будетъ принята въ каедральный соборъ, а изъ него того же числа ко всеобщему бдѣнію имѣеть быть изнесена въ церковь классической гимназіи, гдѣ и будетъ находиться до утра 16 мая; утромъ 16 мая, въ 8 часовъ, имѣеть быть изнесена въ церковь епархіального женскаго училища къ литургіи. Изъ епархіального училища, по совершеніи молебновъ въ храмѣ и у начальствующихъ и служащихъ, въ гимназію г. Якубовичъ, оттуда въ кадетскій корпусъ и, затѣмъ, въ коммерческое училище, а отсюда въ Покровскій монастырь, гдѣ имѣеть быть 17 и 18 мая; во время пребыванія здѣсь св. икона можетъ быть принята 17 мая ко всеобщему бдѣнію въ Александроневскую при больничныхъ заведеніяхъ церковь съ тѣмъ, чтобы, по совершеніи здѣсь сего богослуженія и молебновъ въ помѣщеніяхъ названныхъ заведеній, къ литургіи 18 мая была изнесена въ Казанскую церковь Исправ. Арестант. Отдѣленія, откуда имѣеть быть возвращена въ монастырь для перенесенія того же 18 числа ко всеобщему бдѣнію въ Богоявленскую церковь, въ приходѣ которой и будетъ находиться 19, 20, 21 и 22 мая. Отсюда св. икона можетъ быть взята: 19 числа ко всеобщему бдѣнію въ Кирилло-Меодіевскую церковь духовнаго училища; 20 числа къ литургіи въ церковь Богадѣльни духовнаго вѣдомства въ слободѣ Тути, а ко всеобщему бдѣнію того-же числа въ Свято-Владимірскую церковь ремесленнаго графа Орлова-Давыдова училища; къ литургіи 21-го должна быть принесена въ каедральный соборъ, а ко всеобщему

бднію того-же числа въ церковь Сошествія Святаго Духа при Чувашской учительской школѣ; затѣмъ 22 числа въ литургію въ Успенскую церковь Общества Христіанскаго милосердія, откуда имѣть быть возвращена въ приходскую Богоявленскую церковь и затѣмъ будетъ переноситься въ церкви: Вознесенскій соборъ на 23, 24 и 25 мая; отсюда на 25 мая можетъ быть взята въ церковь Маріинской женской гимназіи, а затѣмъ—въ Троицкую церковь на 26 и 27 мая; изъ Троицкой церкви имѣть быть перенесена въ Спасскій женскій монастырь на 28 мая, отсюда на 29 мая въ церковь духовной семинаріи, на 30 мая въ Николаевскую церковь и на 31 мая, 1 и 2 іюня во Владимірскую, откуда на 2 іюня ко всенощному бднію въ Тихвинскую крестовую церковь, изъ которой, по совершеніи 2 іюня литургіи и молебновъ, имѣть быть обратно препровождена во Владимірскую церковь; во Всѣхсвятскую церковь на 3, 4, 5 и 6 іюня, откуда на 4 число въ церковь тюремнаго замка. Во время нахождения во Всѣхсвятской церкви св. икона можетъ быть взята, если останется свободное время, въ церкви близъ лежащихъ слобод Мостовой и другихъ; засимъ св. икона будетъ переноситься: на 7 число іюня въ Успенскую единовѣрческую церковь, на 8 число въ Александро-Невскую при дѣтскомъ пріютѣ и богадѣльнѣ; на 9, 10, 11 и 12 числа въ Воскресенскую церковь; на 13 въ Смоленскую; на 14, 15 числа іюня въ Казанскую церковь слободы Канавы, что за рѣкою Волгой; на 16 въ Никольскую слободы Часовни, что за р. Волгой; на 17 въ Петропавловскую и на 18 въ Тихвинскую, изъ которой на 19 іюня ко всенощному бднію св. икона подлежитъ перенесенію въ кафедральный соборъ, откуда, по окончаніи 19 іюня литургіи, имѣть быть изнесена и препровождена обратно въ Жадовскую пустынь.

3) Св. икона переноситься изъ одной церкви въ другую имѣть такимъ образомъ: причтъ той церкви, въ которую св. икона подлежитъ перенесенію, имѣть отправиться съ хоруг-

віями въ ту церковь, гдѣ находится св. чудотворная икона, и, въ сопровожденіи причта послѣдней, переносить ее въ свою церковь при колокольномъ звонѣ въ обѣихъ церквахъ, причемъ звонъ долженъ производиться и въ тѣхъ церквахъ, мимо коихъ торжественное шествіе со св. иконою будетъ слѣдовать; причты тѣхъ храмовъ, мимо которыхъ будетъ проходить св. чудотворная икона изъ одного прихода въ другой, должны исходить на паперть своего храма: священникъ съ кадиломъ, а діаконъ съ возженной свѣчей, отдавая тѣмъ самымъ честь мѣстной Святинѣ.

4) Въ тѣ дни, когда св. икона будетъ находиться въ какой либо церкви, отправлять въ послѣдней всенощное бдѣніе и литургію при благовѣстѣ въ большой колоколъ и звонѣ въ подлежащее время во всѣ колокола; послѣдній звонъ долженъ производиться и во внѣбогослужбное время—во все время нахождения въ церкви св. иконы.

5) Въ свободное отъ церковнаго богослуженія время дозволяется со св. иконою дѣлать ходы для молебствія въ домахъ прихожанъ, а также разрѣшается принимать сію икону и жителямъ ближайшихъ къ гор. Симбирску приходскихъ селеній, если къ тому не встрѣтятся какихъ либо препятствій; изъ монастырей же брать св. икону, по удовлетвореніи живущихъ въ нихъ, не возбраняется и постороннимъ, не въ далекомъ разстояніи отъ нихъ жительствовавшимъ, но особенно въ общественныя заведенія.

6) Дома и квартиры обывателей въ районѣ того или другого прихода должны быть посѣщены со св. иконою неотступно по заранѣ намѣченному и объявленному настоятелемъ приходской церкви порядку, причемъ настоятелю вмѣняется въ обязанность строжайше наблюдать за неуклоннымъ выполненіемъ означеннаго порядка сопровождающими святую икону лицами. Во время нахождения въ церквахъ городскихъ учебныхъ заведеній св. икона можетъ быть принимаема, по желанію, во всѣ помѣщенія сихъ заведеній и въ квартиры при нихъ живущихъ—начальствующихъ лицъ, преподавателей и

служителей. Квартыры же, или собственные дома преподавателей и другихъ состоящихъ при учебныхъ заведеніяхъ лицъ, находящіеся не въ сосѣдствѣ (рядомъ) съ учебнымъ заведеніемъ, а въ другихъ улицахъ и частяхъ города, имѣютъ бытъ посѣщаемы со св. иконою и въ свое время, и въ порядкѣ очереди изъ той церкви, къ приходу которой эти квартиры и дома принадлежатъ. Правило сіе сопровождающими св. икону не должно быть нарушаемо ни подъ какими видами и въ отношеніи посѣщенія домовъ и квартиръ приходскихъ священниковъ, также находящихся въ отдаленіи отъ приходской церкви и состоящихъ въ районѣ другихъ приходоѡ. Равнымъ образомъ не должно быть отступленій отъ сего правила и для лицъ, служащихъ въ тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, и обывателей, которые почему либо не будутъ имѣть возможности принять св. икону къ себѣ изъ приходской церкви, когда она будетъ слѣдовать по приходу въ заранѣе намѣченномъ и объявленномъ настоятелемъ приходской церкви порядкѣ.

7) 19 іюня городское духовенство, по отправленіи въ своихъ церквахъ литургіи, начавъ благовѣсть (въ 8 ч.) утра, должно съ крестами, хоругвями и св. иконами собраться въ кафедральный соборъ къ 10 час. утра для молебнаго пѣнія и выноса св. иконы изъ гор. Симбирска въ Жадовскую пустынь.

8) По изнесеніи св. иконы изъ кафедральнаго собора, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, слѣдовать прямо по Верхней-Московской улицѣ и отъ Спасо-Вознесенскаго собора по Большой-Саратовской улицѣ до Покровской улицы, а затѣмъ по Покровской улицѣ, по Покровской площади мимо Городской больницы, по Сызранской улицѣ и по Александровской улицѣ на Большой Саратовскій трактъ.

9) Отъ назначеннаго мѣста за городомъ, по совершеніи тамъ литіи, ст. икону до ближайшаго села Ключищъ сопровождать изъ городского духовенства, по примѣру прежнихъ лѣтъ, двумъ священникамъ, двумъ діаконамъ и четверемъ псаломщикамъ, по назначенію благочиннаго градо-Симбирскихъ церквей.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства и резолюціей Его Преосвященства, отъ 21 марта сего года за № 122-мъ, нижеслѣдующіе священники и іеромонахи, за свою пастырскую дѣятельность и труды по законоучительству въ начальныхъ школахъ, награждены ко дню Св. Пасхи.

а) Набедренникомъ: села Козловки, Ардатовскаго уѣзда, Алексѣй Каллестиновъ; села Большихъ-Полянъ (Палгуши тожь), Ардатовскаго уѣзда, Владиміръ Цятницкій; села Димитріева-Троицкаго, Сызранскаго уѣзда, Михаилъ Архангельскій; села Винновки, того-же уѣзда, Владиміръ Смѣловскій; села Осиновки, того-же уѣзда, Владиміръ Рождественскій; села Водарацкаго, Карсунскаго уѣзда, Михаилъ Бабушкинъ; села Бурундукъ, Буинскаго уѣзда, Григорій Тимоеевъ; села Хорпешашъ, Курмышскаго уѣзда, Василій Благовѣщенскій; села Мижарь-Касовъ, того-же уѣзда, Владиміръ Швецовъ; села Пандикова, того-же уѣзда, Александръ Ивановъ; села Атнарь, того-же уѣзда, Василій Никифоровъ; села Торганъ, того-же уѣзда, Андрей Павловъ; села Сосуновки, Ардатовскаго уѣзда, Іаковъ Саблузовъ; села Новыхъ-Чукаль, Буинскаго уѣзда, Николай Березинъ; села Вырystайкина, Сенгилеевскаго уѣзда, Тарасій Никифоровъ; села Шемарулина, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Цицеровъ; села Чирикова, Симбирскаго уѣзда, Іоаннъ Амплитовъ; села Безводовки, Сенгилеевскаго уѣзда, Θεодоръ Григорьевъ; села Дадъ, Ардатовскаго уѣзда, Василій Покровскій; села Бутирокъ, того-же уѣзда, Петръ Рудневъ; села Пермись, Карсунскаго уѣзда, Владиміръ Богоявленскій; села Камаева, Ардатовскаго уѣзда, Матвѣй Васильевъ; села Байдерякова, Сызранскаго уѣзда, Герасимъ Матвѣевъ; села Шугурова, Ардатовскаго уѣзда, Петръ Смирновъ; села Царакина, того-же уѣзда, Сергій Даниловъ; села Можарова-Майдана, Курмышскаго уѣзда, Димитрій Березинъ; села Ильиной-Горы, того-же уѣзда, Владиміръ Прибыловскій; села Эзекѣва, Сызранскаго уѣзда, Евдокимъ Степановъ; села Бюрганъ, Буинскаго уѣзда,

Иосифъ Кудрявцевъ; села Пимурзина, того-же уѣзда, Алексѣй Березинскій; Сызранскаго Вознесенскаго монастыря іеромонахи—Пароеній, Евстратій и Власій.

б) Скуфьею: села Атяшева, Курмышскаго уѣзда, Александръ Смѣдовскій; села Тарасова, Ардатовскаго уѣзда, Θεодоръ Румынцевъ; села Низовки, что на р. Сарѣ, того-же уѣзда, Всеволодъ Аароновъ; села Кочкушъ, того-же уѣзда, Иоаннъ Ясницкій; села Мордовской-Темрязани, Сенгилеевскаго уѣзда, Прокопій Рычковъ; Воскресенской (Германовская тожъ) церкви города Симбирска Левъ Ягодинскій; села Арбузовки, Симбирскаго уѣзда, Михайлъ Троицкій; села Архангельскаго, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Троицкій; села Бѣлаго-Ключа, что на р. Барышѣ, Карсунскаго уѣзда, Евгенийъ Флоринскій; села Шамкина, Буинскаго уѣзда, Николай Голодяевскій; села Княжухи, Алатырскаго уѣзда, Григорій Багрянскій; села Новоразадѣва, Сызранскаго уѣзда, Александръ Каменскій; села Покровскаго, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Кассеньевъ; села Самайкина, Сызранскаго уѣзда, Георгій Сергіевскій; села Подгоръ, того-же уѣзда, Михайлъ Бахаревскій; села Монадышъ, Ардатовскаго уѣзда, Дмитрій Воскресенскій; села Палатова, Карсунскаго уѣзда, Михайлъ Благовидовъ; села Жаренокъ, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Утѣхинъ; Успенскаго собора гор. Курмыша, Михайлъ Раждаевъ; села Выровъ, Симбирскаго уѣзда, Викторъ Утѣхинъ; села Бузаева, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Сергіевскій; села Кононовки, Карсунскаго уѣзда, Дмитрій Крайневъ.

Примѣчаніе: О.о. благочинные о награжденіи указанныхъ лицъ обязуются отмѣтить въ клировыхъ вѣдомостяхъ.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

Резолюціями Его Преосвященства и опредѣленіями
Епархіальнаго Начальства:

5 марта—исп. об. псаломщика при церкви села Старого Тукшума, Сенгилеевскаго уѣзда, Михаилъ Воздвиженскій, согласно прошенія, уволенъ за штатъ, по болѣзни.

18 марта—учитель церковной школы села Параней, Алатырскаго уѣзда, Владиміръ Арясовъ опредѣленъ, согласно прошенія, псаломщикомъ на праздную псаломщическую вакансію къ церкви села Сурскаго-Острога, Карсунскаго уѣзда.

— псаломщикъ церкви села Чалпанова, Ардатовскаго уѣзда, Дмитрій Долгановъ опредѣленъ, согласно прошенія, на діаконскую вакансію къ той-же церкви.

22 марта—окончившій курсъ Симбирской духовной семинаріи Иванъ Разумовъ опредѣленъ, согласно прошенія, на праздную священническую вакансію къ церкви села Атрата, Алатырскаго уѣзда.

— священникъ церкви села Болобонова, Курмышскаго уѣзда, Павелъ Валидовъ, согласно прошенія, перемѣщенъ на праздную священническую вакансію къ церкви села Кульмина, Ардатовскаго уѣзда.

— священникъ церкви села Новой-Ерыклы, Сенгилеевскаго уѣзда, Константинъ Миротворскій, согласно прошенія, перемѣщенъ на праздную священническую вакансію къ церкви села Комаровки, Сызранскаго уѣзда.

— протоіерей церкви села Новаго-Никулина, Симбирскаго уѣзда, Григорій Утѣхинъ и священникъ церкви села Полибина, Алатырскаго уѣзда, Николай Утѣхинъ, согласно прошенія, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

С П И С О К Ъ

причтовъ сель Карсунскаго и Буинскаго уѣздовъ, съ распре-
дѣленіемъ ихъ по районамъ женскихъ епархіальныхъ учи-
лищъ Симбирской епархіи въ гг. Симбирскѣ и Алатырѣ.

Составленъ подготовительной комиссіей къ епархіаль-
ному съѣзду, вслѣдствіе порученія послѣдняго, изложеннаго
въ журнальномъ постановленіи съѣзда, отъ 24 іюня 1909 г.
за № 52.

Причислить къ районамъ: Симбирскаго училища:

1-й округъ Карсунскаго уѣзда.

Причты гор. Карсуна и сель: Вешкаймы, Вырыпаевки.
Ключа Бѣлаго на р. Барышѣ, Большой Комаровки, Красно-
полки, Кріушъ, Малаго Карсуна, Поселокъ, Большого Ста-
ничнаго, Таволжанки, Ховрина, Чуфарова; всего 13 причтовъ.

Алатырскаго училища:

Причты сель: Малаго Станичнаго и Потьмы; всего 2
причта.

Симбирскаго училища:

2-й округъ Карсунскаго уѣзда.

Причты сель: Бѣлозерья, Александровки, Кезьмина,
Ружевщины, Куроѣдова, Уреня; всего 6 причтовъ.

Алатырскаго училища:

Причты сель: Никитина, Усть-Уреня, Лавы, Кобелевки,
Погибелки, Выползова, Малаго Барышка, Вальдиватской слоб.,
Кандарати Бол., Кандарати Мал., Астрадамовки, Кивати, Бѣ-
лаго Ключа, Костякова, Кадышева, Болтаевки, Горинокъ; всего
17 причтовъ.

Симбирскаго училища:

3-й округъ Карсунскаго уѣзда.

Причты сель: Воецкаго, Вырпаевки, Должвиева, Жадовки, Живайкина, Новой Зиновьевки, Китовки, Нечаевки, Никулина, Павловки, Папузы, Румянцева, Рѣшетки Покровской, Сызгана Базарнаго, Сызгана Ясашнаго, Сюксуема, Юрловки, Румянцевскаго фабричнаго поселка; всего 18 причтовъ.

Алатырскаго училища:

4-й округъ Карсунскаго уѣзда.

Причты сель: Валгусъ, Шуватова, Б. Березникъ, Марьяновки, Судосева, Найманъ, Мариуполя, Аксауръ, Пермись, Аргаша, Городищъ, Давыдова, Палатова, Починокъ, Пятиня, Сурскаго Острога, Сабаева; всего 17 причтовъ.

Симбирскаго училища:

5-й Карсунскій округъ.

Причты сель: Акшута, Анненкова, Араповки, Стемаса, Березовки, Канабѣва, Бѣликова, Водорацкаго, Ст. Зиновьевки, Кононовки, Троицкаго Куроѣдова, Решевки, Соплевки, Сурковъ, Каргина, Туармы нижней, Хомутери, Хоненеева; Сенгилеевскаго уѣзда—Бештановки и Измайловки; всего 20 причтовъ.

6-й Карсунскій округъ.

Причты сель: Сосновки, Сухого Карсуна, Неклюдова, Морд. Бѣлаго Ключа, Мал. Карсуна, Красной Сосны, Кошелевки, Зимненокъ, Ермолочки, Бекетовки, Архангельскаго Куроѣдова; всего 11 причтовъ.

Всего по уѣзду: 70 причтовъ.

Алатырскаго училища:

Причты сель: Чумакина, Труслейки, Кунѣва, Коржевки, Проломихи, Коноплянки; всего 6 причтовъ.

Всего по уѣзду: 42 причта.

Симбирскаго училища:

1-й округ Буинскаго уезда.

Причты г. Буинска и сель: Рунги, Бурундукъ, Бурцева, Кищаконъ, Кіяти, Куреней, Кошки-Новотимбаева, Ново-Ильмова Куста, Новоселокъ, Пимурзина, Убѣй, Хорноваръ-Шингалей, Бюрганъ, Ст. Шаймурзина, Русской Цильны; всего 16 причтовъ.

2-й округ Буинскаго уезда.

Причты сель: Сугути, Тойсей, Тайбы, Енбулатова, Шемалакова, Протопопова; всего 6 причтовъ.

Алатырскаго училища:

Причты сель: Большихъ Арабузей, Тугаева, Хомбусь-Батырева, Мал. Кармаловъ, Чурадчикъ, Турунова, Чеботаевки, Шераутъ, Новаго Ахпердина, Норвашъ Шигалей, Тарханъ, Большого Батырева, Трехбалтаева, Балабашъ Байшева; всего 14 причтовъ.

Симбирскаго училища:

3-й Буинскій округ.

Причты сель: Конкина, Шатрашанъ, Городищей, Чепкасъ, Старыхъ Алгашей, Новыхъ Алгашей, Три - избы - Шемурши, Большой Аксы, Еделева; всего 9 причтовъ.

Алатырскаго училища:

Причты сель: Шамкина, Старыхъ Айбесей, Новыхъ Айбесей, Новыхъ Чукаль, Матакъ, Шемурши, Атяшкина, Паркина, Помаева, Большого Чилима; всего 10 причтовъ.

П о у ѣ з д у:

Къ Симбирскому училищу причисляется: 31 причтъ.

Къ Алатырскому училищу—24 причта.

О Т Ч Е Т Ъ

Уполномоченнаго отъ Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ о приходѣ и расходѣ суммъ, поступившихъ въ 1910 году въ пользу Попечительства о слѣпыхъ по Симбирской губерніи.

По приходу.

Поступило денежныхъ пожертвованій:

1. церковно-кружечнаго и тарелочнаго сбора въ „недѣлю о слѣпомъ“, собраннаго лицами, уполномоченными на производство сего сбора. 790 р. 25 к.
- Причтами церквей. 199 р. 30 к.
2. Кружечнаго сбора: въ казенныхъ винныхъ лавкахъ 712 р. 85 к.
- въ разныхъ учрежденіяхъ и частныхъ торговыхъ заведеніяхъ. 22 р. 56 к.
3. Отъ Инженеръ-технолога Рыжкова, по порученію фирмы Остермана. 25 р.
4. Начислено по книжкѣ сберегательной кассы % за 1910 годъ 17 р. 06 к.

И т о г о. 1767 р. 02 к.

Остатокъ на 1-е Января 1910 года 180 р. 22 к.

Балансъ 1947 р. 24 к.

По расходу.

Израсходовано въ 1910 году:

1. Отослано въ Совѣтъ Попечительства о слѣпыхъ 9 октября 1910 г. переводомъ чрезъ Государственный Банкъ по билету за № 764081 1611 1500 р.
2. Выдано пособій слѣпымъ 61 р.
3. Отослано Сенгилеевскому Уѣздному Исправнику на отправку въ Петербургъ слѣпого мальчика Ивана Антипова. 25 р.

4. Уплачено за печатаніе бланковъ и книгъ	34 р.
5. „ „ почтового расхода.	1 р. 40 к.
Итого.	1621 р. 40 к.
Осталось на 1-е января 1911 года.	325 р. 84 к.
Балансъ	1947 р. 24 к.

Епархіальный Училищный Созѣтъ объявляетъ признательность за усердныя занятія учительницамъ — Поповской школы Лебедевой и Кузоватовской — Ясенской, а также благодарность и попечительницѣ Безводовской школы г. Ребровской за ея заботы о школѣ“.

СВОБОДНЫЯ МѢСТА.

Священническія. Ардатовск. уѣз.: Пилесевѣ; Сызранск. уѣз.; Большой Репьевкѣ; Симбирскомъ уѣз. Успенской ц. при пріютѣ за рѣкой Свягой; Сенсил. уѣз.: Лашанкѣ.

Діаконскія. Симбирск. уѣз.: въ Безсоновѣ, Арской Слободѣ, Кезьминѣ, Тетюшской Слободѣ; Сызран. уѣз.: въ Поникомѣ Ключѣ, Большой Репьевкѣ, Еделевѣ, Вязовкѣ, Дмитріевѣ — Богородскомъ; Сенсилеевскаго у.: Сосновкѣ; Карсунскаго уѣзда: въ Ясашномъ Сызганѣ, Палатовѣ, Папузѣ, Коноплянѣ; Ардатовскаго уѣзда: въ Архангельскомъ, Ведянахъ, Старой Пузѣ, Симкинѣ, Тазинѣ; при Ардатовскомъ соборѣ, Алатырск. у.: въ Миренкахъ, Сіявѣ, Монадышахъ, Чеберчинѣ, Кувакинѣ, Сабанчеевѣ, Николаевкѣ; Курмышск. у.: въ Кочетовѣ, Станашахъ, Туванахъ, Ходарахъ, Спасскомъ; Буинскаго уѣз.: въ Еделевѣ.

Псаломщическія. Симбирск. у.: въ Старо-Шаймурзиноу, Богдашкинѣ, Ст. Алгашахъ, при Владимірской (Ильинской) церкви гор. Симбирска, Среднихъ-Тимерсянахъ Пилугинѣ, Хохловѣ; *Сенгилеев. уезда:* въ Климовѣ, Осокѣ, при Покровскомъ Соборѣ г. Сенгилея, Бѣлоключѣ, Мордовѣ, съ 1 мая сего года; Старомъ-Тукшумѣ; *Сызранскаго уез.:* въ Комаровѣ Старой-Рачейкѣ, Осиновѣ, Тимошкинѣ, Головинѣ, Новой-Бекшанкѣ, Еделевѣ, *Буинскаго уез.:* въ Кошкахъ, Туроновѣ (2 вакансіи), Тугаевѣ, *Ардатовск. уез.:* въ Игнатовѣ, Монадышахъ, Ахматовѣ на р. Алатырѣ, Жабинѣ, Вармазейкѣ, Чаадаевѣ, Дадахъ, Пилесевѣ, Чалпановѣ, Сайгушахъ, *Курмышск. у.:* въ Быковѣ, Языковѣ; Сунѣевѣ *Карсунск. у.:* Иогибелкѣ, Новой Зиновьевкѣ, Вырыпаевкѣ, Большой Комаровкѣ, Нечаевкѣ, Канабѣевкѣ, Ясашномъ Сызганѣ, Соплевкѣ, *Алатырскаго у.:* въ Утесовкѣ, Любимовкѣ; и Порѣцкомъ.

СВОБОДНЫМЪ МЯСТАМЪ

Симбирск. уезд. : Пилеевѣ;
Сызранск. уезд. : Большой Репевкѣ; Симбирскаго уезд. : Зенен-
ской д. при приходѣ за рѣкою Свѣтой; Семля. уезд. : Яшичанкѣ.
Демонстрія. Симбирск. уезд. : въ Беззвонѣ; Ар-
ской Слободѣ; Кезляинѣ; Тетюшской Слободѣ; Сызранск. уезд. :
въ Понномъ Клявѣ; Большой Репевкѣ; Еделеѣ; Рязовкѣ;
Двинтревѣ — Потолокомъ; Семилеевскій м. : Сопновѣ; Кад-
сунскаго уезда: въ Рязномъ Свѣтѣ; Пазтовѣ; Шалуѣ;
Копольнѣ; Ардатовскаго уезда: въ Архивнѣльскомъ; Редян-
нскѣ; Стрѣй Пѣвѣ; Симкинѣ; Тязнѣ; при Ардатовскомъ
городѣ; Алатырск. у. : въ Миреннѣвкѣ; Сирѣ; Монадышнѣвкѣ;
Редяннѣ; Кувѣнѣ; Свѣднѣвкѣ; Никольскѣ; Курмышск.

Редакторъ, Секретарь Консistoriи **А. Жуковъ.**
Симбирскъ. Типо-литографія А. Т. Токарева.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

„МУЗЫКА

возвышенная, какъ выразительница лучшихъ душевныхъ чувствованій, всегда имѣла и имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка. Кому, какъ не музыкѣ, дана чудная власть пробуждать въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, настраивать душу, обогащая ее духовными чувствами и впечатлѣніями. Трудно найти человѣка, которому не хотѣлось бы въ минуты радости, тоски и печали излить въ музыкѣ волнующія чувства, отрѣшиться на время отъ низменнаго дола и забыть то въ величаво-торжественныхъ, то въ грустно-минорныхъ аккордахъ, вознестись душою въ чистый міръ идеальнаго добра, гармоніи и красоты...“.

(„Кормчій“ 29 янв. 1900 г.).

Лучшіе инструменты для хоровыхъ спѣвоковъ, для духовной и свѣтской музыки.

ФИСГАРМОНИИ

собственной фабрики въ ЛЕЙПЦИГЪ (амер. сист.) и лучш. загранич. фабр. КАРПЕНТЕРЪ, ШИДМАЙЕРЪ

въ 90, 100, 130, 150, 165, 190, 240, 275 руб. и дороже.

Рояли и піанино

отъ 600 руб.

отъ 375 руб. и дор.

Грамммофоны—Тонармъ

новѣйшихъ моделей въ 18, 20, 25, 35, 55, 75 руб. и дор.

ПЛАСТИНКИ свѣтскаго и духовнаго содержанія въ большомъ выборѣ. ДУ-

ХОВНЫЕ ХОРЫ—Чудовской, Синодальный, Архангельскаго, Васильева и др.
Полный иллюстрир. прейсъ-курантъ № 61 и каталоги пластинокъ бесплатно
Для лицъ духовнаго званія допускаяется разсрочка платежа.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

МОСКВА, Кузнецкій м., д. Захарьина. С.-Петербургъ, Морская, 34. Рига,
Сарайная, 15.

При заказѣ или запросѣ прошу сослаться на это объявленіе.

Ф И Н А Н С Ы

РОЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

Визбирскій Вспархивальный Вздожности.

1 Апрелья

№ 7.

1911 года.

отдѣль неофициальный.

Радуйтесь!

(Почуеніе въ первый день святаго и великія Пасхи).

Радуйтесь! И паки реку: радуйтесь! Христосъ бо воскресе изъ мертвыхъ.

Измученный за челоуѣчскій грѣхъ, израненный, поруганный, Господь нашъ, вселенную всю содержай, возлежь „долъ во гробъ.“

Это было видѣніе странное и ужасное. Содрогнулось небо, поколебалась земля, „солнце лучи сокры и звѣзды отложиша свѣтъ.“ Но обитая плотски во гробъ, душею Спаситель нашъ снишелъ во адъ. И застонало царство діавола, срѣтая „Живоначальника“, потряслись „верей вѣчныя“, и тридневень, яко „Иона отъ кита“, яко „женихъ отъ чертога“, яко солнце изъ тмы, возсіялъ Христосъ Господь изъ гроба. И се— „вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя!“ И се— „всяка плоть веселится и радуется“. *Радуйтесь же! И паки реку: радуйтесь.*

Христосъ воскресе... смертію смерть поправъ. Исторгнуто жало смерти, и жизнь уже не подчинена болѣе діаволу: „жизнь жительствуетъ“. Христосъ былъ истиннымъ плотоносцемъ, и если воскресъ Онъ, то воскреснемъ и мы, въ плоть облеченные люди. Христосъ— „Начатокъ усопшимъ“.

Онъ воскресъ Первымъ, мы воскреснемъ въ послѣдній день. Отнынѣ не страшна для вѣры смерть. Въ очахъ вѣрующаго, смерть уже не страшный путь къ вѣчному и мрачному шелу, какъ думали древніе евреи, и не ужасная загадка, какъ это представлялось язычнику. Для вѣрующаго смерть лишь временный сонъ, за которымъ загорится для него безконечный яркій день вѣчной жизни. *Радуйтесь же! И паки реку: радуйтесь!*

Христосъ воскресе... сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Какъ при сошествіи Своемъ во адъ, Господь освободилъ содержащихся въ немъ „связанных“, какъ воскресилъ Онъ съ Собою „всероднаго Адама“, такъ силою Своею воскреситъ и насъ по вѣрѣ нашей въ пресвѣтлое Его воскресеніе. Пусть же никто не боится смерти, „свободи бо насъ Спасова смерть“! Пусть никто не смущается, что смерть, повидимому, и теперь еще торжествуетъ въ мірѣ, ибо и теперь близкіе наши полагаются во гробы, и раздается надъ ними „надгробное рыданіе“. О, нѣтъ, не смущайтесь этимъ! Пусть мертвые полагаются во гробы, но „воскресе Христосъ, и мертвый ни единъ во гробѣ“! Не трупы зримъ мы нынѣ во гробахъ, а сѣмена новой жизни, которыя во время грядущее процвѣтутъ неуываеваемымъ цвѣтомъ. И далѣе прозрѣваютъ нынѣ очи вѣры нашей. Уже созерцаемъ мы, хотя и „тускло“ еще, хотя яко „зерцаломъ въ гаданіи“, то несказанное блаженство, какое ожидаетъ всѣхъ вѣрныхъ чадъ Христовыхъ. Отвѣтствуйте, братія возлюбленная, не хотѣли ли бы мы продлить сей сладостный мигъ, когда цвѣтами увить святой нашъ храмъ, когда, осіянный огнями, какъ единая свѣча, воздымается онъ къ небу, когда уста и сердца наши воедино сливаются въ этихъ „любопразднственныхъ“ пѣсняхъ во славу Христа воскресшаго? Кто не сказалъ бы: остановись ночь, ибо это „войстину священная и всепразднственная... спасительная ночь“! Но, братіе, эта ночь потому и всепразднственна, и спасительна, что она является „провозвѣстницей“ „свѣтоноснаго дня“ нашего „востанія“; эта ночь

прообразуетъ собою то блаженное время, когда насъ будетъ осіявать „безлѣтний свѣтъ“ Божественной славы, когда, вмѣстѣ съ ангелами и архангелами, съ херувимами и съ серафимами, *неумолчными* гласы будемъ мы воспѣвать Отца, и Сына, и Святаго Духа, предстоя лучезарному Престолу Святыя и Живоначальныя Троицы. Увы: эти наши огни догорятъ, эти пѣсни наши смолкнутъ, и для многихъ изъ насъ начнутся прежніе дни суеты житейской, возобновится прежній рядъ лишеній, обидъ, скорбей, ошибокъ и паденій. Но воскресе Христосъ, и—вѣруемъ мы—настанетъ для насъ время, когда, „Пасху хваляще *вѣчную*“, содѣлаемся мы участниками *непрестающаго* небеснаго торжества. *Радуйтеся же! И наки реку: радуйтеся, Христосъ бо воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.*

Но въ радости нашей, по наставленію Церкви святой, не престанемъ, братіе, и благодарить „насъ ради пострадавшаго и воскресшаго Христа Бога нашего“ (Послѣд. Пасхи), яко сподобилъ насъ вкусити радости святыя и великія сея Пасхи, и помолимся, братіе, да удостоитъ насъ Господь уврѣть вѣчную Его Пасху въ небесномъ царствіи Его.

О, Пасха велія и священнѣйшая, Христе! О мудросте, и Слове Божій, и Сило! *Подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего.*—Аминь.

Изъ мыслей Вл. Соловьева о воскресеніи Христовомъ.

Владиміръ Соловьевъ не разъ останавливался въ своихъ сочиненіяхъ на фактъ Христова воскресенія, дабы философски обосновать его разумность. Приведемъ нѣкоторые изъ мыслей нашего философа на указанную тему.

Вся міровая исторія,—разсуждаетъ Вл. Соловьевъ въ своихъ „Пасхальныхъ письмахъ“,—представляетъ собою не-

прерывное бореніе между жизнью и смертью, между живымъ духомъ и мертвымъ веществомъ.

Первая побѣда жизни надъ смертью произошла тогда, когда, по силѣ творческой воли Божіей, „среди ксснаго неорганическаго вещества закипѣли и закопошились міриады живыхъ существъ, первичные зачатки растительнаго и животнаго царства“.—Однако, это была еще далеко *не полная* побѣда жизни надъ смертью. Природа была создана великолѣпной, но смертной. Безсмертіе природы, о чемъ такъ часто любятъ говорить, особенно поэты,—это лишь *кажущееся* безсмертіе. Природа можетъ представляться безсмертной только для внѣшняго взгляда и только для такого наблюдателя, который за *безконечную* жизнь можетъ принять *смѣну* жизней. Природа не безсмертна. Смерть беретъ у нея всѣхъ живущихъ, всѣ индивидуальности и безсмертію уступаетъ только общія формы жизни. *Единичное* растеніе, *единичное* животное непремѣнно обречены на смерть послѣ нѣсколькихъ мгновеній: остаются только формы растительности или животности, остаются только виды и роды организмовъ. Итакъ, въ природѣ безсмертія не существуетъ, и потому жизнь природы—это лишь символъ истинной жизни.

Истинная жизнь въ исторіи міра началась тогда, когда—въ шестой день творенія—появился человѣкъ, какъ разумное существо, какъ существо, не только живущее и умирающее, но, сверхъ того, и мыслящее о жизни и смерти. Появленіе въ мірѣ разума—это *новая* побѣда жизни надъ смертью, новое торжество духа надъ матеріей, сознанія надъ вѣчнымъ покоемъ вещества. Однако, и въ человѣкѣ, даже въ лучшихъ представителяхъ человѣчества, даже въ величайшихъ мудрецахъ міра, *не было еще дано* *полной* побѣды жизни надъ смертью. И Будда, и Сократъ, и другіе мудрецы Востока и Запада умерли и не воскресли. И не могло, конечно, быть иначе, такъ какъ одной умственной силы совершенно недостаточно, чтобы побѣдить смерть. „Только безпредѣльность *нрав-*

ственной силы даетъ жизни абсолютную полноту, исключаетъ всякое раздвоеніе и, слѣдовательно, не допускаетъ окончательнаго распаденія живого человѣка на двѣ отдѣльныя части: безплотный духъ и разлагающееся вещество“.

Безпредѣльность нравственной силы была явлена въ Лицѣ Христа Спасителя. „Распятый Сынъ Человѣческой и Сынъ Божій, почувствовавшій себя оставленнымъ и людьми, и Богомъ, и при этомъ молившійся за враговъ Своихъ, очевидно, не имѣлъ предѣловъ для Своей духовной силы, и никакая часть Его существа не могла остаться добычею смерти“. Посему Иисусъ Христосъ не могъ не воскреснуть. Мы умираемъ потому, что наша духовная сила связана страстями и грѣхами и, слѣдовательно, оказывается недостаточной, чтобы претворить въ себя все наше тѣлесное вещество. Христова же духовная сила, будучи свободна отъ всякихъ внутреннихъ ограниченій, должна была освободиться и отъ всякихъ ограниченій внѣшнихъ, и отъ смерти. Итакъ, Христосъ не могъ не воскреснуть, и воскресеніе Его является послѣдней и рѣшительной побѣдой жизни надъ смертю.

Фактъ воскресенія Христова—фактъ чудесный, въ томъ смыслѣ, въ какомъ и всякое первое, новое проявленіе чего либо, какъ необычное, невиданное, удивляетъ или заставляетъ *чудиться*. Чудесны были и первыя предварительныя побѣды жизни надъ смертю, чудомъ мы должны признать и окончательную побѣду. „Но то, что *представляется*, какъ чудо, *понимается* нами, какъ. . . необходимое и разумное событіе. Истина Христова воскресенія есть истина всецѣлая, полная, не только истина вѣры, но *также и истина разума*. Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каиафа оказался правымъ, а Иродъ и Пилать—мудрыми, то міръ оказался бы безсмысленною, царствомъ зла, обмана и смерти. . . Если бы *такая* жизнь, какъ жизнь Христа, не одолѣла врага, то какая же оставалась бы надежда въ будущемъ? Если бы Христосъ не воскресъ, то кто же могъ бы воскреснуть?“—И въ отвѣтъ на

эти вопросы, Вл. Соловьевъ категорически утверждаетъ: „Христосъ воскресъ.“

У Гроба Господня.

(Путевые очерки).

Въ Иерусалимъ мы прибыли въ 8-мъ часу вечера, а такъ какъ турецкая стража закрываетъ Храмъ Воскресенія до захода солнца, то поклоненіе Живоносному Гробу Господню пришлось отложить до слѣдующаго дня.

Утро 4-го марта было весеннее, теплое, ясное. Изъ окна нашего номера открывался чудный видъ на причудливыя очертанія гряды Иудейскихъ горъ, на краю горизонта. Ближе, внизу, виднѣлись одноэтажныя постройки Палестинскаго общества: длинные корпуса для прибывающихъ изъ Россіи поклонниковъ; впереди — стройные молодые кипарисы, развѣсистыя смоковницы, кустарники и необыкновенно красивое перцовое дерево съ тонкими, зелеными стеблями, напоминающими своей гибкостью побѣги спаржи.

Въ 9 ч. мы, вмѣстѣ со 180 прибывшими съ нами на пароходѣ богомольцами, подъ предводительствомъ встрѣтившаго насъ въ Яфѣ, старѣйшаго и почтеннѣйшаго изъ Кавасовъ, Марка Джурича, направились ко Храму Воскресенія.

Открывая высокія, чугуныя ворота, привратникъ Палестинскаго общества, арабъ съ выразительнымъ смуглымъ лицомъ, въ бѣлой чалмѣ и полосатомъ халатѣ, привѣтствовалъ насъ по восточному „салемомъ“ (прикладываньемъ ко лбу правой руки).

Мѣрно, постоянно оглядываясь, шагаль Марко по узкимъ, извилистымъ улицамъ древняго Сіона, града Давидова. Толпа, среди которой было много стариковъ великороссовъ въ мѣховыхъ шапкахъ и поношенныхъ армякахъ, старухъ-монашенокъ (черничекъ) въ порыжѣлыхъ платкахъ, пожилыхъ крестьянъ и подростковъ, не спускала глазъ съ высокой фигуры Марко, боясь потерять его изъ виду на перекресткахъ.

Проходить нужно было мимо безконечнаго ряда маленьких темных узких лавокъ съ выставленнымъ на улицу товаромъ. Чего только не было тутъ!.. Надъ дверьми висѣли пучки крупной редиски, сухихъ стручьевъ; тутъ же, въ жестяныхъ тазахъ на жаровнѣ, шипѣли въ маслѣ куски баранины. Внизу—груды каштановъ, помидоровъ, бобовъ, картофеля, апельсинъ; по стѣнамъ развѣшены тощія бараньи туши. Дальше—лавки съ четками, крестиками, образами—цѣлыя пирамиды разноцвѣтныхъ восковыхъ свѣчей съ рисунками и золотыми полосками.

На улицахъ множество народа. Встрѣчались греческіе монахи съ черными, заканчивающимися вверху широкимъ кругомъ, клобуками.

„Кали имерось“ (здравствуйте), отвѣчалъ имъ Марко на ихъ поклоны.

Привѣтствовали его и францисканскіе монахи съ обнаженными головами, откинутыми капюшонами, въ сандаляхъ на босыхъ ногахъ. Встрѣчались по пути старые турки въ зеленыхъ и пестрыхъ чалмахъ, молодые греки въ фескахъ и типичные евреи, съ длинными прядями сѣдыхъ волосъ, напоминающіе ветхо-завѣтныхъ патриарховъ. Назойливые, юркіе полунагіе арабчата съ пронзительнымъ выкрикиваніемъ „бакалишь, бакалишь“ не давали прохода, выпрашивая порѣчки (мелькую турецкую монету въ $1\frac{1}{2}$ —2 к.)

Пройдя цѣлый лабиринтъ темныхъ улицъ, вышли мы на небольшую, плитами вымощенную, площадку, на которую выходитъ входъ въ Храмъ Воскресенія Христова, съ кувукліей Гроба Господня.

Надъ двумя высокими колоннами, съ арками, изъ которыхъ одна заложена камнями, а другая служитъ входомъ, возвышаются двѣ глубокія, съ несимметричными окнами, ниши, надъ ними желѣзная рѣшетка крыши, а за нею виднѣется часть купола. Высокія стѣны греческихъ монастырей (Аврааміевскаго, Патріархіи, 40 мучениковъ) такъ плотно со всѣхъ

сторонь прилегають ко Храму, что о фасадѣ его и архитектурѣ нельзя имѣть никакого представленія.

Марко остановился у входа... Вся толпа богомольцевъ, далекихъ пришельцевъ, объята чувствомъ радостнаго умиленія, благоговѣйно преклонила колѣна; многіе, упавъ ницъ, проливали слезы радости на холодныя каменныя плиты. Уста благоговѣйно лепетали молитвы, слышались сдержанныя рыданія, возгласы: „Слава Тебѣ, Господи, сподобившему насъ, грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ, поклониться Святому Живоносному Гробу Твоему“.

„Благодаримъ тебя, Пресвятая Богородица, Заступница и Покровительница, оградившая насъ представтельствомъ своимъ отъ скорбей и напастей“.

„Благодаримъ Тебя, Создатель, за великое милосердіе Твое“, — шептала возлѣ меня, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, такая худенькая дряхлая старушка, въ черномъ платьѣ и большомъ платкѣ, что, глядя на ея истомленное лицо, съ глубоко впавшими глазами, приходило на мысль: какъ горяча ея вѣра, если она, такая престарѣлая, немощная, не убоилась труднаго, тяжелаго пути въ Святую землю.

Подъ высокими темными сводами громаднаго Храма царилъ таинственный полумракъ... Слабо мерцали огоньки безчисленныхъ разноцвѣтныхъ лампадъ, и только постепенно стали выступать изъ темноты ближайшіе предметы.

Слѣва, у самага входа, на высококомъ помостѣ, покрытомъ смирскимъ ковромъ, въ бѣлахъ чалмахъ и пестрыхъ халатахъ, съ поджатыми, по—восточному, ногами, сидѣла турецкая стража... Безучастная, индифферентная къ входившей толпѣ, она продолжала свой разговоръ, покуривая изъ длинныхъ чубуковъ.

„Камень миропомазанія“, — указаль Марко на мраморную плиту, надъ которой, на длинныхъ цѣпяхъ, спускались большія, въ видѣ фонарей, лампы. „Здѣсь, по сказанію апостольскому, Іосифъ, иже отъ Аримаеи, пріялъ тѣло Іисусово

и обви е ризами со ароматы, якоже обичай есть Іудеомъ погребати“ (Іоанна, гл. XIX).

Направо—двѣ мраморныя лѣстницы, въ 43 ступени, ведутъ въ храмъ, устроенный надъ Голговою. Надъ мѣстомъ, гдѣ водруженъ былъ крестъ Распятаго Спасителя міра, на мраморныхъ столбахъ—плита, служащая престоломъ для совершенія литургіи; подъ нею видна въ скалѣ та пробоина, гдѣ водруженъ былъ крестъ, съ котораго Божественный Страдалецъ за грѣхи всего міра словами утѣшенія ободрялъ Пречистую Матерь Свою.

Пробоина обложена серебрянымъ окладомъ, къ которому, преклонивъ колѣна, прикладываются богомольцы. Направо виднѣтся разсѣлина скалы, образовавшаяся въ то время, когда тьма бысть по всей землѣ, до часа девятаго... когда померче солнце и завѣса церковная раздрася посредѣ и возгласилъ гласомъ велимъ Іисусъ: „Отче, въ рудѣ Твои передаю духъ Мой“ (Луки, гл. XXIII).

Съ темнаго свода, усѣяннаго золотыми звѣздами, спускаются на длинныхъ цѣпяхъ ряды дорогихъ лампадъ, освѣщая мерцающимъ свѣтомъ большое изображеніе распятія, фігуры Божіей Матери и любимаго ученика, въ серебряныхъ ризахъ.

Огромный куполь Храма Воскресенія поддерживается расположенными полукругомъ каменными столбами, связанными сводами.

Посрединѣ возвышается построенная надъ пещерой, въ которой погребено было пречистое тѣло Іисусово, небольшая мраморная часовня съ полукруглымъ куполомъ. Внутри она раздѣлена на 2 части. Здѣсь ангелъ Господень отвалилъ камень отъ гроба. Обломокъ его вдѣланъ въ мраморную подставку, которая служитъ престоломъ. Узкій малый входъ ведетъ въ ту пещеру, гдѣ былъ „изсѣченъ отъ камени гробъ“ и гдѣ Марія Магдалина „приде завтра, еще сущей тмѣ, на гробъ, и видѣ камень взятъ отъ гроба, причиче во гробъ, видѣ два ангела въ бѣлыхъ ризахъ, сѣдѣща, единаго у главы,

и единого у ногу, идѣже бѣ лежало тѣло Іисусово“ (Іоанна, гл. XX).

Пещера высѣчена въ скалѣ (арш. 3 дл. и около 2 шир.); каменный выступъ занимаетъ половину ея; въ немъ покоилось пречистое тѣло Спасителя міра, по снятіи со креста, до преславнаго Воскресенія. Поверхъ него положена мраморная плита, надъ которой сдѣлано рельефное изображеніе Воскресенія Христова. Стѣны и своды сплошь унизаны рядами большихъ серебряныхъ лампадъ. Всѣми цвѣтами радуги свѣтятся въ нихъ маленькія огоньки.... Изумрудами, сапфирами, рубинами, яхонтами горятъ они среди полумрака пещеры.

По карнизу, между подсвѣчниками, — свѣжіе букеты живыхъ цвѣтовъ; аромат ихъ сливается съ освѣжительнымъ запахомъ розовой воды, которою обильно ежедневно орошается мраморная плита.

Не передать словами того чувства радостнаго умиленія, того восторженнаго благоговѣйнаго настроенія, той горячей благодарности Милосердному Творцу и Создателю міра, которыя наполняютъ душу въ то время, когда, преклонивъ колѣни и припавъ горячими устами къ холодному мрамору плиты, переживаешь мыслью, подъ несокрушимыми сводами пещеры, событія, связаннаго съ великимъ искупленіемъ грѣховъ человѣчества.

И все земное, житейское, нѣкогда близкое, о чемъ такъ трудно обыкновенно отложить попеченіе, внезапно здѣсь представляется такимъ ничтожнымъ, суетнымъ, далекимъ. И передъ этимъ высокимъ настроеніемъ, передъ этимъ необычнымъ подъемомъ духа, который охватываетъ душу, окрыляетъ, возвышаетъ ее, — таютъ, какъ воскъ, разсѣиваются, какъ дымъ, всѣ невзгоды, напасти, заботы житейскія...

Чувствуешь близость Господа и горячѣе прежняго взываешь къ Нему:

„Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію“.

И такъ хотѣлось бы надолго, надолго, на всю жизнь,

удержать въ сердцѣ своемъ, какъ священный огонь, это восторженное настроеніе, этотъ благоговѣйный порывъ, которые пробудило въ душѣ поклоненіе Гробу Господню...

„Воскреси. Благос.“

Празднованіе Пасхи въ первые вѣка христіанства.

(Литургическая справка).

Праздникъ Пасхи—одинъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ. Уже ап. Павелъ въ посл. къ Коринѣ. пишетъ: „Пасха наша за ны пожренъ бысть Христось; тѣмъ же да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ“.... (I. 5, 7—8). Но при апостолахъ, какъ и, вообще, въ первые три вѣка, праздникъ Пасхи не имѣетъ того свѣтлаго и торжественнаго характера, какой онъ имѣетъ теперь. Не радостное воспоминаніе о воскресеніи Христа и Его побѣдѣ надъ грѣхомъ и смертью соединяли съ этимъ праздникомъ св. апостолы и ихъ ближайшіе послѣдователи, а воспоминаніе скорбное—крестныя страданія и смерть Господа Спасителя. Такое знаменованіе дня вытекало изъ того, что день кончины Христа приходился на еврейскую Пасху, а такъ какъ соблюденіе еврейскихъ праздниковъ скоро прекратилось у христіанъ, то, естественно, послѣдніе пришли къ мысли, въ отличіе отъ Пасхи еврейской, посвятить этотъ день воспоминанію смерти Христовой. Какъ же проводили праздникъ Пасхи св. апостолы и ихъ первые ученики? Въ соотвѣтствіе со словами Господа Иисуса Христа: „егда же отнимется отъ нихъ женихъ, тогда постятся“, они освящали этотъ день, какъ день смерти Христовой, строгимъ постомъ и продолжительной молитвой, при чемъ одни ограничивали постъ днемъ еврейской Пасхи, а другіе оставляли его въ слѣдующее за Пасхой воскресенье. Такимъ образомъ, праздникъ Пасхи въ апостольское время былъ исключительно „Пасхой крестной“, днемъ поста и сѣтованія.

Преимущественно съ такимъ же характеромъ празднованіе

дня Пасхи переходит и ко П вѣку. Въ этомъ отношеніи особенно цѣннымъ для насъ является свидѣтельство св. Иринея, еп. Ліонскаго, которое проливаетъ яркій свѣтъ на характеръ праздника въ этотъ періодъ. Въ своемъ письмѣ къ Римскому еп. Виктору, написанномъ по поводу споровъ о времени празднованія Пасхи, св. Ириней говоритъ: „разногласятъ не только о днѣ, но и о самомъ образѣ поста (ясное указаніе, что „день“ Пасхи чтился именно постомъ): одни говорятъ, что нужно поститься одинъ день, другіе—два, а иные—еще больше... Такое различіе въ соблюденіи произошло не въ наше время, гораздо прежде, у нашихъ предковъ... Тѣмъ не менѣе всѣ они сохраняли миръ, и мы живемъ между собою въ мирѣ, и разногласіемъ касательно поста (опять не „праздника“) утверждается согласіе вѣры“¹⁾. Такой характеръ пасхальнаго дня особенно строго выдерживался въ малоазійскихъ церквахъ, которыя въ своей практикѣ слѣдовали примѣру св. Іоанна Богослова. Совершая Пасху вмѣстѣ съ евреями 14 нисана, онѣ имѣли въ виду выразить этимъ именно скорбное значеніе празднуемаго дня, какъ дня кончины Христа, почему и проводили его въ строгомъ постѣ. Этотъ постъ одни изъ малоазійскихъ христіанъ начинали ранѣе 14 нисана, а въ этотъ день уже оканчивали его, другіе же однимъ днемъ 14 нисана ограничивали и предпасхальный постъ, и самый праздникъ Пасхи²⁾. Насколько такая практика относительно празднованія Пасхи казалась христіанамъ естественной и наиболѣе вѣрной, показываетъ тотъ фактъ, что, когда Церковь осудила „совершающихъ Пасху вмѣстѣ съ іудеями“ (Антиох. соб. пр. 1-е), то часть христіанъ не захотѣла подчиниться этому опредѣленію и образовала особую ересь (точнѣе расколъ) тетрадитовъ, или четырнадцатниковъ. Но въ то время, какъ въ Малой Азіи господствовалъ древнѣйшій взглядъ на Пасху, какъ на постъ въ память крестной смерти Христа, въ другихъ церквахъ и, прежде всего,

¹⁾ Евсевій. Церк. ист. V, 24.

²⁾ Св. Епифаній Кипр. Якорь, 50.

въ Римской стало укореняться во II в. и новое возрѣніе на этотъ праздникъ. Съ Пасхой хотѣли соединить не только печальное воспоминаніе смерти Христа, но и радостное — воскресеніе Господа.

Соотвѣтственно такому взгляду, постепенно началъ измѣняться и характеръ самаго празднованія Пасхи. Отрадное для всѣхъ воспоминаніе воскресенія Христа уже не мирилось болѣе съ постомъ, какъ временемъ сѣтованія и покаянія; считалось болѣе сообразнымъ ознаменовать его и богослуженіемъ торжественнымъ, радостнымъ. Кромѣ того, и самый день праздника находили болѣе приличнымъ отнести не къ одному какому-либо дню недѣли, на которой приходилась бы еврейская Пасха, а именно къ воскресному дню. Такое различіе во взглядахъ на характеръ праздника повело, какъ извѣстно, къ спорамъ, которые возникли во II в. между Римскою и малоазійскими церквами, при чемъ защитниками малоазійской практики были св. Поликарпъ, еп. Смирнскій, и Мелитонъ, еп. Сардійскій (написавшій 2 кн. „о Пасхѣ“), а защитниками Римской — св. Климентъ Александрійскій и св. Ипполитъ. Папа Викторъ (ок. 196 г.) грозилъ малоазійцамъ даже отлученіемъ, но, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ папъ стырей Церкви и, между прочимъ, упомянутому посланію св. Иринея, имѣвшему цѣлью примирить враждующихъ, церковное единство нарушено не было. Результатомъ споровъ явилось лишь то, что, со времени ихъ, почти во всѣхъ христіанскихъ церквахъ съ праздникомъ Пасхи стали соединять воспоминаніе и смерти и воскресенія Христа³⁾. Соотвѣтственно этимъ воспоминаніямъ, христіане весь день Пасхи проводили въ строгомъ постѣ, а вечеромъ, во славу воскресшаго Господа, постъ прекращали. Замѣчательно, что въ нынѣшнемъ богослуженіи великой субботы, когда въ древности праздновалась Пасха, легко можно усмотрѣть, вмѣстѣ съ грустными, и радостные мотивы. Такъ, утреня великой субботы не только

³⁾ Соборы въ Палестинѣ, Римѣ, Понтѣ и Греціи высказались за римскую практику.

праздничнаго типа (великое славословіе), но, по своей торжественности, уступаетъ, въ теченіе года, одной лишь пасхальной утренѣ. Кромѣ того, на ней поется цѣлый рядъ воскресныхъ пѣсней: тропарь „Егда снизшелъ еси“, тропари „Ангельскій соборъ удивися“, воскресный сѣдалень, два воскресныхъ прокимна и др. Все это можно объяснить, только какъ отголосокъ того времени, когда чествованіе смерти и воскресенія Христа происходило въ одинъ день⁴⁾.

Въ III в. Пасха продолжала оставаться тѣмъ же скорбно-радостнымъ торжествомъ, какимъ она была и во II вѣкѣ. Въ теченіе пасхальнаго дня, какъ и прежде, соблюдался постъ, но разрѣшеніе его въ ночь послѣ субботы обставляется теперь уже болѣе торжественно и даетъ, такимъ образомъ, начало Пасхѣ съ ея нынѣшнимъ характеромъ. Правда, Тертуліанъ знаетъ, повидимому, только постную Пасху. Такъ слова Божіи, при установленіи ветхозавѣтной Пасхи, — „это Пасха Господня“ — онъ толкуетъ: т. е. страданіе Христа⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ, не одобряя обычая воздерживаться въ посты отъ лобзанія при молитвахъ, Тертуліанъ замѣчаетъ: „но въ день Пасхи, когда постъ есть общая и какъ бы общественная религиозная обязанность, мы справедливо воздерживаемся отъ лобзанія мира“⁶⁾. Но уже въ позднѣйшихъ памятникахъ III в. въ понятіе Пасхи, вмѣстѣ съ постомъ въ честь страданій Христовыхъ, входитъ и торжественное разрѣшеніе его въ ночь воскресенія. Такъ, въ канонахъ Ипполита⁷⁾ говорится о Пасхѣ слѣдующее: „пусть берегутся, чтобы въ эти дни поста оставить всякую страсть, чтобы при всякой бесѣдѣ говорить не съ веселостью, а съ печалью, поэлику извѣстно, что Господь... безстрастный пострадалъ за насъ въ то время..., чтобы мы, ставши участниками скорбей, которыя Онъ при-

4) Проф. М. Скабаллановичъ. Толковый Типиконъ. Кіевъ. 1910 г. Стр. 66, 67.

5) Противъ іудеевъ. 10.

6) О молитвѣ. 8.

7) Этотъ памятникъ, послужившій, какъ думаютъ, основаніемъ для нѣкоторыхъ главъ VIII кн. „Апост. постановл.“, ученые относятъ къ концу III и къ началу IV в. „Толков. Тип.“, стр. 72—75; 127—128.

нялъ за насъ, слѣлались участниками и царства Его. Пища же, которая прилична времени Пасхи, это хлѣбъ съ солью и водою... Ночь воскресенія Господа нашего Иисуса Христа должно соблюдать съ величѣйшимъ усердіемъ, ибо Онъ Самъ величайшій. Никто посему въ эту ночь пусть не спитъ до зари; тогда мойте тѣло водою, прежде чѣмъ приступитъ къ Пасхѣ (воскресной), и весь народъ пусть будетъ въ свѣтѣ. Ибо въ эту ночь Спаситель снискалъ свободу для всей твари; и тогда праздникъ совершаютъ небесное и земное и все, что на небѣ и землѣ, такъ какъ Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо и сидитъ одесную Отца, откуда придетъ во славу Отца и ангеловъ Своихъ воздать каждому по дѣламъ его". — Болѣе сложный фазисъ въ развитіи пасхальнаго богослуженія представляетъ Сирская Дидакалія ⁸⁾.

Въ одномъ мѣстѣ ея мы читаемъ слѣдующее: „нужно вамъ, братіе, дни Пасхи тщательно опредѣлять и постъ вашъ совершать со всѣмъ усердіемъ... Посему отъ десятаго дня, который есть второй день недѣли (т. е. съ того дня, когда священники и старѣйшины іудейскіе во дворѣ Каіаѳы составили заговоръ противъ Иисуса Христа, чтобы убить Его), во дни Пасхи будете поститься и употреблять только хлѣбъ и соль и воду въ часъ девятый до четвертаго дня недѣли... Особенно же строго вамъ нужно поститься въ пятницу и субботу и бодрствовать и бдѣть въ субботу и читать писанія и псалмы, и молиться и умолять за тѣхъ, которые согрѣшили, и ожидать и чаять Восресенія Господа нашего Иисуса Христа до часа третьяго въ ночь послѣ субботы. И затѣмъ принесите жертвы ваши, и тогда вкушайте, и радуйтесь, и веселитесь, и ликуйте, поелику залогъ воскресенія нашего — Христосъ воскресъ, и это вамъ да будетъ въ законъ навсегда до скончанія вѣка“. Въ обоихъ этихъ памятникахъ, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, въ качествѣ момента въ понятіи Пасхи, ясно уже выступаетъ и воспоминаніе воскре-

⁸⁾ Памятникъ III в., въ которомъ ученые видятъ главный источникъ для первыхъ шести книгъ „Апост. пост.“. „Толк. Типик.“, стр. 72; 129—133.

сенія Христова, но этотъ моментъ не получаетъ еще равноправнаго значенія съ грустнымъ элементомъ праздника. Пасхальное бдѣніе представляется попрежнему посвященнымъ страданіямъ и смерти Господа; только окончаніе оно получаетъ радостное—въ честь воскресенія Христова. Такое соединеніе двухъ элементовъ (печальнаго и радостнаго) въ древне-пасхальномъ бдѣніи находитъ свое отраженіе и въ нашей пасхальной службѣ, которая, какъ извѣстно, складывается изъ двухъ частей: службы страстной (канонъ великой субботы) и воскресной (пасх. утренняя).

Болѣе полный ритуаль праждника Пасхи, сравнительно съ указанными источниками, даетъ „Завѣщаніе Господа нашего Іисуса Христа“⁹⁾. По „Завѣщанію“, празднованіе этого дня имѣло такой порядокъ. Начиалось грустно-радостное торжество съ великаго четверга, когда съ особою торжественностью и особыми обрядами (важнѣйшіе изъ нихъ возженіе свѣтника и пѣніе „аллилуіа“) совершалась евхаристія. Съ этого же дня оставлялись, въ виду Пасхи, на всю 50-цу коленно-преклоненія (какъ и теперь оставляются съ вечера среды). Пятницу и субботу проводили въ самомъ строгомъ постѣ и непрестанныхъ дневныхъ и ночныхъ службахъ, совершавшихся съ особымъ благолѣніемъ, при чемъ были частыя чтенія (пареміи), которыя перемежались такимъ же количествомъ пѣсней (ср. нынѣшній образъ чтенія паремій въ вел. субб.)¹⁰⁾. Въ субботу же, послѣ торжественнаго заклинанія, крестились оглашенные. Бдѣніе въ ночь послѣ субботы отличалось особенной продолжительностью; на этомъ бдѣніи (или вслѣдъ за нимъ) совершалась пасхальная евхаристія, которая, въ виду того, что къ ней готовились двухдневнымъ постомъ, а также потому, что за ней приобщались впервые новокрещенные, по-

⁹⁾ Памятникъ III в., первоначально открытый въ сирской рукописи и изданный въ латин. перев. Рамани въ 1899 г. „Толк. Типик.“, 72 стр.

¹⁰⁾ Буквальныя слова „Завѣщанія“ слѣдующія: „во дни Пасхи, особенно послѣдніе—въ пятницу и субботу—днемъ и ночью бываетъ столько молитвъ, столько пѣсней; поученіе бываетъ долѣе, чтенія разныя и частыя. Бдѣнія и заутрени ночныя совершаются благолѣпно“. Проф. Скабаллановичъ, „Толк. Типиконъ“. Стр. 136.

лучала исключительное значение: она обязательно ввухалась до принятія другой какой-либо пищи и преподавалась рѣшительно всему тѣлу Церкви¹¹⁾.

На основаніи всѣхъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ, мы можемъ сдѣлать тотъ общій выводъ, что праздникъ Пасхи и въ III в. не имѣлъ еще свѣтлаго, торжественнаго характера. Это было полурадостное, полупечальное торжество, какова была и вся жизнь тогдашнихъ христіанъ, мѣшавшихъ слезы небесной радости о Богѣ со слезами нестерпимаго земного горя. Празднованіе воскресенія Христа еще не обособилось отъ предшествующаго ему поста, и потому начало его не было строго опредѣлено. По „Завѣщанію“, разрѣшеніе Пасхи (т. е. поста) бываетъ въ полночь, которая слѣдуетъ за субботой“, а по „Диаскаліи“ постились до третьяго часа ночи. Слѣдующіе IV и V вѣка, когда, подъ вліяніемъ различныхъ благопріятныхъ условій, церковная жизнь получила полное и широкое развитіе, оказались весьма плодотворными и для богослуженія. Въ это время окончательно складываются основной порядокъ и существенный составъ всѣхъ суточныхъ службъ, впервые возникаетъ мѣсяцесловъ святыхъ, а кругъ великихъ праздниковъ расширяется почти до нынѣшняго количества ихъ. Въ отношеніи Пасхи настоящая эпоха прежде всего ознаменовалась окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о времени празднованія ея.

На Никейскомъ соборѣ (325 г.) было постановлено праздновать Пасху въ первый воскресный день послѣ весенняго равноденствія, при чемъ о днѣ Пасхи ежегодно объявляли особыми окружными посланіями епископы главныхъ городовъ. Такимъ постановленіемъ Церкви впервые было ясно и точно опредѣлено значеніе пасхальнаго дня, какъ именно дня праздничнаго, посвященнаго радостному воспоминанію воскресенія Христова. Такой же взглядъ на Пасху, какъ на свѣтлый торжественный праздникъ, только болѣе полно развитый,

¹¹⁾ Толк. Типик. “. Стр. 137—8.

встрѣчаемъ оныя теперь и въ твореніяхъ святыхъ отцовъ Церкви. Такъ, св. Григорій Богословъ называетъ ее и царцей дней, праздникомъ праздниковъ и торжествомъ торжествъ, превосходящимъ, какъ солнце звѣзды, не только всѣ чело-вѣческіе и земныя праздники, но и праздники въ честь Христа“, а св. Іоаннъ Злат.— „вождѣльнымъ и спасительнымъ праздникомъ“¹²⁾.

Что касается самаго празднованія Пасхи въ IV в., то оно, какъ и въ III в., начиналось съ вечера бдѣніемъ. Последнее, какъ видно изъ кн. „Ап. постановл.“¹³⁾ состояло изъ молитвъ и прошеній, чтенія закона, пророковъ, псалмовъ и крещенія оглашенныхъ; затѣмъ, послѣ чтенія евангелія о воскресеніи Христовомъ и соотвѣтствующей бесѣды, ровно въ полночь, бдѣніе и пасхальный постъ оканчивались, и начиналась торжественная евхаристія. Особенно торжественно, какъ видно изъ описанія аквитанской паломницы¹⁴⁾, совершалось праздничное богослуженіе въ Іерусалимской церкви. Тамъ предпасхальное бдѣніе происходило въ Мартиріумѣ (церковь на Голгоѣѣ), а затѣмъ, послѣ отпуста, епископъ со всѣмъ народомъ совершалъ крестный ходъ (литанію) въ храмъ Воскресенія (гдѣ была пещера Гроба Господня), при чемъ, во время пути, всѣ пѣли воскресныя пѣсноуѣнія во славу Господа. Здѣсь, въ храмѣ Воскресенія, снова читалось евангеліе о воскресеніи, возносились молитвы, и епископъ опять (въ первый разъ на Голгоѣѣ) совершалъ литургію, но „поскорѣе, чтобы не задерживать народа“.

Такимъ образомъ, пасхальное богослуженіе, оставаясь въ главныхъ частяхъ такимъ же, какъ оно описано въ Сирской Дидакаліи, пріобрѣтаетъ въ IV в. и новыя черты. Во-первыхъ, празднованіе воскресенія Христа совершенно уже от-

¹²⁾ Григорій Богосл. Сл. 19 на погреб. отпа. Злат. Вес. 85 на Пасху.

¹³⁾ Памятникъ, состоящій изъ разновременныхъ сборниковъ и получившій окончательную редакцію въ нач. IV в..

¹⁴⁾ „Паломничество ко св. мѣстамъ“, приписываемое Сильвіи Аквитанской и описывающее богослуженіе Іерус. Церкви конца IV в., открыто въ 1884 г. въ латинск. рук. ок. XII в. и изд. въ русск. пер. въ 1889 г. „Толк. Типик.“ Стр. 150, 291.

дѣляется отъ поста и бдѣнія и обставляется торжественнымъ обрядами (крестный ходъ съ воскресными пѣснопѣніями); и во-вторыхъ, самое разрѣшеніе поста получаетъ большую определенность (бываетъ въ полночь)¹⁵⁾; наконецъ, и предпасхальное бдѣніе, совершаемое въ ночь послѣ субботы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, имѣетъ своимъ основаніемъ уже не скорбное воспоминаніе смерти Христа, а радостное ожиданіе второго пришествія Господа и будущаго царства славы¹⁶⁾.

Съ внѣшней стороны пасхальное бдѣніе въ IV в. отличалось особымъ обиліемъ освѣщенія, что также свидѣлствуетъ о свѣтломъ и торжественномъ характерѣ его. По разсказу Евсевія, импер. Константинъ Вел. въ дни „спасительнаго праздника, усугубляя благочестивую дѣятельность свою, совершалъ божественное торжество со всею силою души и тѣла и распоряжался празднованіемъ такъ: проводимую въ бодрствованіи священную ночь превращалъ онъ въ дневной свѣтъ, ибо назначенные къ тому люди по всему городу зажигали высокіе восковые столбы, какъ-бы огненные лампы, озарявшія всякое мѣсто, такъ что эта таинственная ночь становилась свѣтлѣе самаго свѣтлаго дня“¹⁷⁾. О томъ же самомъ св. Григорій Богословъ говоритъ слѣдующее: „прекрасное было у насъ вчера свѣтоношеніе и свѣтохожденіе, которое совершали мы и частно и публично, едва не весь родъ человѣческой и вся знать, освѣщая ночь обильнымъ огнемъ, образомъ великаго свѣта... Но сегодняшній (свѣтъ) преславнѣе и превосходнѣе: ибо вчерашній свѣтъ былъ предвозвѣстникомъ возстающаго великаго Свѣта и какъ бы радостнымъ предпразднествомъ его; сегодня же празднуемъ са-

¹⁵⁾ Блаж. Иеронимъ. На Мѣ. 25, 6; Діонисій Алекс. 1 пр., 89 Тр. соб.

¹⁶⁾ „Это ночь, говоритъ Лактанцій, въ которую совершается у насъ бдѣніе, въ виду пришествія Царя и Бога Нашего; значеніе этой ночи двойное—что въ нее Онъ получилъ жизнь, когда пострадалъ, а послѣ получить царство надъ вселенной“ Установлен. божеств. VII, 19; срав. Иерон. на Мѣ. 25, 6.

¹⁷⁾ Евсевій. Жизнь Констант. IV, 22.

мое воскресеніе, не ожидаемое еще, но уже бывшее и собравшее къ себѣ всю вселенную“¹⁸⁾.

Итакъ, въ IV в. праздникъ Пасхи, какъ по своему внутреннему значенію, такъ и по характеру своего богослуженія, былъ уже свѣтлымъ и радостнымъ днемъ для всѣхъ христіанъ. Стоитъ только вникнуть въ прекрасное слово св. Іоанна Златоустаго, положенное на пасхальной утрени, чтобы понять, какъ велика была въ этотъ день радость всѣхъ благочестивыхъ людей, одушевленныхъ мыслью о воскресеніи Христа и явленіи на землѣ благодатнаго Царства Божія. Въ этомъ словѣ св. Іоаннъ Златоустъ, самъ полный священнаго восторга предъ величіемъ воспоминаемаго событія, призываетъ и всѣхъ другихъ оставить свои житейскія скорби и печали и „насладиться сего свѣтлаго и добраго торжества“.

Въ IV вѣкѣ, кромѣ перваго дня, впервые стала торжественно праздноваться и вся пасхальная седмица. По свидѣтельству Іоанна Златоуста, въ продолженіе всѣхъ семи дней Пасхи, совершались богослужебныя собранія, на которыхъ пастыри Церкви предлагали народу „духовную трапезу“¹⁹⁾. Особую торжественностью отличались въ это время церковныя службы въ Іерусалимѣ. Тамъ, въ теченіе пасхальной седмицы, богослуженіе совершалось по очереди на всѣхъ мѣстахъ, освященныхъ пребываніемъ Господа Іисуса Христа, при чемъ въ первые три дня Пасхи и въ восьмой совершались, кромѣ того, еще торжественныя литаніи. Такая же литанія съ участіемъ новокрещенныхъ и монаховъ бывала ежедневно послѣ обѣда на горѣ Елеонъ, гдѣ „совершались пѣсни и молитвы“ (д. б., вечерня или служба, вмѣсто нея)²⁰⁾. Всѣ новокрещенные ходили въ эту недѣлю въ бѣлыхъ одеждахъ, въ знавъ чистоты и духовной радости, и снимали ихъ только въ слѣдующее воскресеніе.

¹⁸⁾ Григорій Богословъ. Слово на Пасху, 42.

¹⁹⁾ Златоустъ. Бес. на воскрес. Христа. 34.

²⁰⁾ „Толков. Тип.“. Стр. 292.

Христіанскіе императоры своими распоряженіями также не мало содѣйствовали торжеству пасхальной седмицы. Такъ, Θεодосій Вел. запретилъ, въ теченіе ея, судопроизводство, а Θεодосій Младшій—театральныя и црковныя представленія ²¹⁾).

Въ послѣдующіе вѣка праздникъ Пасхи, оставаясь неизмѣннымъ по своему характеру, обогащается лишь новыми богослужебными обрядами и торжественными пѣснопѣніями. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣеть VIII вѣкъ, когда пасхальное богослуженіе украсилось безсмертными и вдохновенными твореніями знаменитѣйшаго пѣснописца и богослова св. Іоанна Дамаскина. Нынѣшній канонъ Пасхи, принадлежащій перу Дамаскина, представляетъ собою дивный образецъ истиннаго религіозно-поэтическаго творчества, полного возвышенныхъ чувствъ, святыхъ восторговъ. Послѣ Дамаскина пасхальное богослуженіе продолжало развиваться вплоть до появленія Іерусалимскаго устава (XV в.), а окончательно нынѣшній порядокъ пасхальной службы, особенно утрени, утвердился уже въ XVII в., послѣ печатнаго изданія Типика.

С. Сотинъ.

Пасхальная ночь въ изображеніи русскихъ беллетристовъ позднѣйшаго времени.

Какъ извѣстно, наше пасхальное богослуженіе, представляя собою высшую форму религіозно—поэтическаго творчества, глубоко волнуетъ и трогаетъ души не только вѣрующихъ православныхъ людей, но даже и не вѣрующихъ. Неудивительно поэтому, что рядъ прекрасныхъ описаній пасхальнаго богослуженія и, вообще, пасхальной ночи мы находимъ въ произведеніяхъ не только вѣрующихъ нашихъ беллетристовъ, но и тѣхъ, чье отношеніе къ религіи и Церкви иногда, по видимому, чуждо положительнаго характера. Въ произведеніи

²¹⁾ „Толков. Тип.“ Стр. 292.

яхъ художниковъ даже этого послѣдняго типа Пасха, можно сказать, неизмѣнно изображается съ такимъ восхищеніемъ, съ такимъ искреннимъ умиленіемъ передъ красотой и величіемъ Церкви, что невольно сравниваешь этихъ художниковъ съ тѣмъ древнимъ пророкомъ, который благославлялъ, не желая благославлять... Здѣсь мы приводимъ нѣкоторыя изъ тѣхъ описаній пасхальнаго богослуженія и пасхальной ночи, какія встрѣчаются у позднѣйшихъ русскихъ писателей безотносительно къ ихъ общему міросозерцанію.

У Л. Толстого.

Всю жизнь потомъ (пасхальная) заутреня осталась для Нехлюдова однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и сильныхъ воспоминаній.

Когда онъ въ черной темнотѣ, кое гдѣ только освѣщаемой блѣющимъ свѣгомъ, шлепая по водѣ, вѣхалъ.. на церковный дворъ, служба уже началась.

Мужики проводили его на сухонькое мѣсто, гдѣ слѣзть, взяли привязать его лошадь и провели его въ церковь. Церковь была полна праздничнымъ народомъ... Мужики крѣстились и кланялись, встряхивая волосами, женщины, особенно старушки, ...крѣпко прижимали сложенные персты къ платку на лбу, плечамъ и животу... Дѣти, подражая большимъ, старательно молились... Золотой иконостасъ горѣлъ свѣчами, со всѣхъ сторонъ окружавшими обвитыя золотомъ свѣчи. Паникадило было уставлено свѣчами. Съ клиросовъ слышались радостные напѣвы добровольцевъ—пѣвчихъ... Все было празднично, торжественно, весело и прекрасно: и священникъ въ свѣтлой серебряной съ золотыми крестами ризѣ, и дьяконъ, и дьячки въ праздничныхъ серебряныхъ и золотыхъ стихаряхъ, и нарядные добровольцы—пѣвчіе съ масляными волосами, и веселые напѣвы праздничныхъ пѣсень, и непрестанное благословеніе народа священникомъ тройными, украшенными цвѣтами, свѣчами, съ все повторяемыми и повторяемыми

возгласами: Христось Воскресе! Христось Воскресе! — все было прекрасно“... (Изъ романа „Воскресеніе“)

У Вл. Г. Короленко.

„Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумеркѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, виснетъ въ пространствѣ. Михеичъ снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкого удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Михеичъ присѣлъ на скамейку, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди.

Внизъ, точно муравейникъ, движется мужичья толпа; коргви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчей. Михеичъ быстро, привычною рукой, хватаетъ веревки. Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. — Раздалось пѣніе пасхальнаго гимна „Христось воскресе изъ мертвыхъ“.

И отдается этот гимн „волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высъ, сливая съ громкимъ, торжественномъ звономъ.

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской.

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе землю: „Христось воскресе!“

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христось воскресе!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: „Христось воскресе!“

И казалось, старая колокольня дрожить и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторить: „Христось воскресе!“

(Изъ разсказа „Старый звонарь“).

У Л. Андреева.

„Предъ пасхальною утренею, внезапно на верхушкѣ горы, тамъ, гдѣ должна была находиться соборная колокольня, блеснулъ яркій свѣтъ и тьму прорѣзалъ столбъ электрическаго свѣта... И въ ту же, казалось, секунду, и рѣка, и темная ночь, и синее небо вздрогнули и загудѣли, и трудно было понять, откуда выходилъ этотъ густой, дрожащій отъ полноты, могучій и бодрый звукъ. И только когда присоеди-

нились къ нему мягкіе, идущіе волной звуки съ ближайшей колокольни, Алексѣй Степановичъ понялъ, что начался пасхальный благовѣсть, и показалось ему похоже на то, словно пробудилась сотня великановъ и заговорила, сдерживая въ мѣдной груди своей мощный голосъ. Онъ все расширялся и росъ, и скоро всѣ тихіе звуки ночи утонули въ его властномъ и радостномъ призывѣ...

Алексѣй Степановичъ снялъ шапку и перекрестился... Вотъ на колокольнѣ Василя Великаго вспыхнулъ пожаромъ красный бенгальскій огонь и багровымъ заревомъ легъ на черную рѣку. И во всѣхъ концахъ горизонта начали зажигаться красные и голубые огни, и еще темнѣе стала великая ночь. А звуки все лились... и летѣли въ высь, свободные, легкіе, торжествующіе... и радость ихъ становилась бурной, ликующей...

На маленькомъ балкончикѣ смутно темнѣли двѣ человѣческія фигуры... и, казалось, что весь старый и грѣшный домишка трясется отъ скрытыхъ слезъ и заглушенныхъ рыданій.

(Изъ разсказа „На рѣкѣ“).

„Гимназистъ Качеринъ за пасхальной службою въ гимназiи видитъ гуляющую по корридору толпу.

....И на всѣхъ лицахъ сіяла радость; повидимому, праздникъ для нихъ уже наступилъ. Какъ будто уже случилось что то необыкновенно-радостное... Качеринъ чувствовалъ, какъ все выше и выше поднимаются вокругъ него волны свѣтлой радости, и люди захлебываются въ нихъ... При тепломъ сіяніи свѣчей, лившемся и сверху, и снизу, и съ боковъ, разглаживались морщины на лицахъ, и они становились неузнаваемыми, и въ глазахъ блестѣлъ новый огонекъ: то ли отъ блескъ свѣчей, то ли внутреннего свѣта“.

Изъ гимназiи Качеринъ вышелъ на улицу. „Но куда вышелъ онъ, вездѣ встрѣчали его сіяющія церкви, и около

нихъ шумно толпился народъ, а въ стекла оконъ онъ видѣлъ молодыя и старыя лица безъ морщинъ, и головы, медленно склонявшіяся послѣ крестнаго знаменія. Ни звука не доносилось изъ—за толстыхъ стеколъ, и эта нѣмая вереница свѣтлыхъ лицъ, трепетавшихъ подъ наплывомъ одного и того же глубокаго блаженнаго чувства единенія между собой и Богомъ, наводила страхъ на молодого отверженца. Но наступилъ праздникъ и для Качерина. Онъ вошелъ въ одну изъ приходскихъ церквей. И здѣсь волны дивнаго веселья, прозрачныя, свѣтлыя, подхватили его единскую душу и понесли. Качеринъ упалъ на колѣни, и міръ утратилъ для него свою реальность. Онъ не понималъ, гдѣ онъ находится, кто стоитъ возлѣ него и гдѣ поютъ что то тамъ и откуда льется на него такъ много свѣта. Онъ не зналъ, о чемъ плачетъ онъ такими горькими и такими счастливыми слезами... И плакалъ Качеринъ, и каждая дрожащая слеза хранила чистую печаль, и сверкала она въ душѣ, какъ драгоценный алмазъ“.

(Изъ разсказа „Праздникъ“).

У А. П. Чехова.

„Было темно, но я все-таки, (стоя на берегу рѣки и ожидая паромъ), видѣлъ и деревья, и воду, и людей. Міръ освѣщался звѣздами, которыя вплотную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ... Ради праздника вышли онѣ на небо всё до одной, отъ маля до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всё до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ; звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо... Далекъ, на томъ берегу, въ непроглядной тѣмѣ, горѣло вразсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней... Донесся (съ того берега) протяжный звонъ большого колокола... Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ то далеко... Мужикъ, (тоже ожидавшій паромъ), снялъ шапку и перекрестился.

— Христосъ воскресъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ перваго удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ, дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней задвигались новые огни и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ! (Парома все не было). Я ужъ началъ терпѣнье и волноваться, но вотъ, наконецъ, взглядываясь въ темную даль, я увидѣлъ... давно жданный паромъ...

— Отчего такъ долго? — спросилъ я, вскакивая на паромъ.

...Паромъ поплылъ... Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли... У самой воды громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя человѣческія тѣни, мелькавшія около огня; но да-лѣе, въ стороны и позади нихъ, была... черная мгла. Вдругъ, разсѣвая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета: она описала дугу и съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега послышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво! — сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! — вздохнулъ (перевозчикъ) Геронимъ. — Радостный день нынче... Радуется и небо, и земля, и преисподняя. Празднуетъ вся тварь...

Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы постепенно вливали въ... царство, полное... свѣта...

— Сейчасъ запоютъ пасхальный канонъ, сказалъ Геронимъ... — Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и увидите, что поется: *духъ захаатываетъ*.

— А вы развѣ не будете въ церкви?

— Мнѣ нельзя — съ... Перевозить нужно.

Въ оградѣ пахло можжевельникомъ и роснымъ ладаномъ. Говорили громко, но смѣха... не слышалось. Около могильныхъ памятниковъ и крестовъ жались другъ къ другу люди съ куличами и узлами. По чугуннымъ плитамъ, которыя лежали полосой отъ воротъ до церковной двери, суетливо-звонко стуча сапогами, бѣжали молодые послушники. На колокольнѣ тоже возились и кричали.

— Какая безпокойная ночь! — думаль я. — Какъ хорошо!

Безпокойство и бессонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви... Волна идетъ отъ входа и бѣжитъ по всей церкви, тревожа даже передніе ряды, гдѣ стоятъ люди солидные и тяжелые... Какая то сплошная, дѣтски—безотчетная радость... Необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служеніи. Царскія врата во всѣхъ придѣлахъ открыты настежь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей... Чтеній не полагается никакихъ; пѣніе суетливое и веселое не прерывается до самого конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждыя десять минутъ. Не успѣлъ я занять мѣсто, какъ спереди хлынула волна и отбросила меня назадъ. Передо мной прошелъ высокій дьяконъ съ длинной, красной свѣчей; за нимъ спѣшилъ съ кадиломъ сѣдой архимандритъ въ золотой митрѣ. Когда они скрылись изъ виду, толпа оттиснула меня опять на прежнее мѣсто. Но не прошло и десяти минутъ, какъ хлынула новая волна, и опять показался дьяконъ...

Мнѣ, слившемуся съ толпой и заразившемуся всеобщимъ радостнымъ возбужденіемъ, было невыносимо больно за Геронима: отчего его не смѣнять? „Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь, — пѣли на клиросѣ: — се бо придоша къ тебѣ,

яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада твоя“...

Я поглядѣлъ на лица. На всѣхъ было живое выраженіе торжества“.

(Изъ разсказа „Святой ночью“).

Christus.

Von Walter Rothes. Köln a Rh.

Время отъ времени на нашемъ книжномъ рынкѣ появляются дорогія изданія произведеній нашихъ классиковъ, преимущественно поэтовъ. Въ этихъ изданіяхъ къ изяществу и великолѣпію сводится все, не исключая мелочей: бумага, шрифты, всякаго рода заставки, а главное—рисунки. Такъ, напр., изданія „Евгенія Онѣгина“ или „Мертвыхъ душъ“ Маркса иллюстрированы рисунками лучшихъ художниковъ и въ лучшихъ репродукціяхъ, при чемъ безъ иллюстрацій не оставленъ ни одинъ сколько нибудь выразительный шрихтъ въ произведеніяхъ. Въ такихъ изданіяхъ произведеніе извѣстнаго художника предлагается вниманію читателя какъ бы на двухъ языкахъ: на языкѣ текста и на языкѣ художественнаго рисунка. Конечно, трудно сказать что либо противъ такихъ изданій произведеній лучшихъ нашихъ художниковъ. Но у насъ лично всегда въ такихъ случаяхъ возникалъ вопросъ:

— Почему не дадутъ наши книгоиздатели солиднаго изданія въ картинахъ евангельской исторіи, гдѣ каждый шагъ Спасителя былъ бы представленъ въ снимкахъ съ картинъ классическихъ художниковъ, благо до сихъ поръ не было еще ни одного сколько нибудь крупнаго мастера кисти, кого не влекло бы къ себѣ Евангеліе.

Въ послѣднее время книгоиздательствомъ Сойкина было предпринято многотомное и дорогое изданіе біографіи гр. Л. Толстого, гдѣ предполагалось собрать изъ области фотографіи, живописи и скульптуры все, что такъ или иначе относится къ личности Толстого, къ его жизни, начиная съ дѣтства и кончая глубокой старостью.

— Почему вы не предпримете, — говорили мы книгоиздателю, — прежде всего богатаго иллюстрированнаго изданія жизни Христа? Вотъ что намъ нужно было бы!

— Съ удовольствіемъ бы, — отвѣчали намъ, — но вѣдь у насъ такое изданіе „не пошло бы“.

„Не пошло бы“... Правда ли? Вотъ за границей идутъ такія изданія, хотя за граница едва ли болѣе интереса питаеть къ религіознымъ темамъ, сравнительно съ русскимъ обществомъ, искони религіознымъ. Въ началѣ текущаго, 1911 г., въ Кельнѣ на Рейнѣ, книгоиздательствомъ Бахэма была выпущена книга подъ выписаннымъ нами въ заголовкѣ названіемъ. Книга написана на нѣм. языкѣ, на русской яз. пока не переведена, но цѣнность ея не столько въ текстѣ, сколько въ тѣхъ художественныхъ иллюстраціяхъ къ ученію, жизни, страданію и воскресенію Христа, какія въ ней въ большемъ количествѣ представлены. Это, собственно, и не книга, а именно альбомъ картинъ на евангельскія темы. Альбомъ авторомъ его, Вальтеромъ Ротесомъ, посвященъ папѣ, Пію X, и представляетъ собою собраніе картинъ на темы о Личности Христа, появлявшихся на протяженіи всей исторіи христіанства и у народовъ всего міра. Картины распределены по группамъ, соотвѣтственно важнѣйшимъ моментамъ въ жизни Христа, напр., „Христосъ на крестѣ“, „Воскресеніе“ и т. п. Въ заключеніи даны снимки, изображающіе Христа въ аллегоріяхъ. Всего въ альбомѣ 201 иллюстрація, при чемъ 5 изъ нихъ — въ краскахъ и на отдѣльных листахъ. На ряду со снимками съ древнѣйшихъ изображеній Христа въ катакомбахъ, мы находимъ здѣсь репродукціи картинъ новѣйшаго времени, равно какъ и средневѣковыхъ мастеровъ. Есть здѣсь картины сравнительно малоизвѣстныхъ художниковъ, но большинство изъ нихъ принадлежатъ великимъ Рафаэлю, Леонардо — да — Винчи, Веласкесу, Перуджино, Рембрандту, Мурильо, Корреджіо, Тиціану, Гвидо Рени и т. дал. Помѣщены въ альбомѣ такіе рисунки художниковъ, которые, въ силу распространенности репродукцій, стали уже почти общеизвѣстными (напр., „Преображеніе“ Рафаэля, „Милосердный Самарянинъ“ Рембрандта, „Чудесное насыщеніе“ Мурильо, „Искушеніе“ Тиціана и т. под.), но помѣщены и такіе, которые впервые лишь появляются въ репродукціяхъ. Таковъ, напр., снимокъ съ оригинальнаго изображенія «Распятія» Гольбейна, гдѣ у подножія креста въ отчаяніи бьется ребенокъ. Среди такихъ мало рас-

пространенных картинъ многія, вообще, обращаютъ вниманіе оригинальностью въ обработкѣ того или другого священно-историческаго сюжета. Неизмѣнно оригинальны, напр., рисунки Дюрера, изъ которыхъ особенно выдѣляется изображеніе блуднаго сына, питающагося вмѣстѣ съ животными на дворѣ. Обращаетъ вниманіе картина Тома «Христосъ и Петръ»: Христосъ въ свѣтлыхъ ризахъ высоко поднимается на морской волнѣ, рельефно выступая на черномъ фонѣ звѣзднаго неба. Выдѣляется картина Гебгарта „Входъ въ Іерусалимъ“, гдѣ Спасителя окружаютъ восторженныя дѣти, привѣтствующія его пальмовыми вѣтвями, но Спаситель поникъ главою, плачетъ о грѣшномъ Израилѣ и отираетъ слезы краемъ хитона Своего. Нельзя пройти мимо снимка съ картины Гольбейна, гдѣ Христосъ изображенъ сидящимъ во мракѣ въ терновомъ вѣнцѣ, между тѣмъ какъ изъ просвѣта облаковъ является Ему Богъ, Отецъ и вручаетъ Ему крестъ, а окружающіе Христа ангелы несутъ Ему копья, трости, щипцы и другія орудія казни, чѣмъ иллюстрируется мысль о томъ, что въ страданіяхъ Христовыхъ выразилась высшая Божія воля. Приковываетъ вниманіе картина Грюнвальда, гдѣ висящій на деревѣ Христосъ представленъ сплошь покрытымъ колотыми ранами. На „Распятіи“ же кисти Лебуна ярко освѣщенный крестъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ славословящіе ангелы, при чемъ часть ихъ въ умиленіи склонилась у подножія животворящаго древа. Глубокое впечатлѣніе оставляетъ картина Бёклина: на одиноко стоящемъ камнѣ, увитомъ внизу цвѣтами, простерто снятое со креста тѣло Иисусово; надъ нимъ склонилась Пресвятая Матерь и, объемя его пречистыми своими руками, остановилась надъ нимъ въ нѣмомъ горѣ. Характерна по своему реализму картина Рембрандта, гдѣ ангелъ открываетъ гробъ Господень и изъ него, Лучезарный и Прекрасный паче всѣхъ человѣкъ, медленно востаетъ Христосъ Спаситель. На аллегорической картинѣ Іансена представлена трогательная сцена утѣшенія Христомъ страждущаго человечества, обремененнаго тяжкими житейскими крестами. Воздерживаемся отъ дальнѣйшаго описанія собранныхъ въ альбомѣ картинъ, ибо каждая изъ нихъ представляетъ что либо свое, интересное, часто назидательное, иногда глубоко волнующее благочестивыя чувства. Помѣщены въ альбомѣ и снимки съ картинъ мозаическихъ, со скульптуръ, барельефовъ и т. под.

Альбомъ высоко поучителенъ въ томъ отношеніи, что убедительно свидѣтельствуетъ о благоговѣйномъ преклоненіи предъ Личностью Христовою всѣхъ величайшихъ художниковъ міра, съ любовію работавшихъ надъ темами Евангелія. Кромѣ того альбомъ даетъ возможность прослѣдить, въ какой степени различно постигается Личность Христа сознаниемъ православныхъ, католиковъ, протестантовъ. И частнѣе того: по картинамъ разныхъ художниковъ мы можемъ судить о различіяхъ въ пониманіи христіанства въ зависимости отъ особенностей національнаго генія. Картины художниковъ нѣмецкихъ, французскихъ, голландскихъ, византійскихъ и русскихъ—всѣ носятъ свой особый отпечатокъ. Изъ снимковъ съ русскихъ картинъ мы въ альбомѣ находимъ: „Христосъ въ пустынѣ“ Крамского, „Христосъ и грѣшница“ Полѣнова, „Исусъ въ домѣ Марѣи и Маріи“ Семирадскаго, „Явленіе Христа народу“ Иванова, „Тайная вечеря“ Ге, „Христосъ въ Геосиманіи“ Бруни, „Плащаница“ Васнецова, „Явленіе Иисуса Христа Маріи Магдалинѣ“ Иванова, „Страшный судъ“ Васнецова и „Святая Русь“ Нестерова. Безпристрастіе требуетъ сказать, что изъ сравненія картинъ русскихъ православныхъ художниковъ и художниковъ иностранныхъ и инославныхъ слишкомъ ясно становится, что русскому сознанию Христосъ и христіанство дѣйствительно ближе, понятнѣе, нежели генію другихъ народовъ. Въ произведеніяхъ русскихъ мастеровъ Христосъ выступаетъ болѣе одухотвореннымъ, съ болѣе ясною печатлю Божественнаго Духа, нежели въ произведеніяхъ другихъ художниковъ. Кромѣ того, въ пониманіи христіанства инославными художниками не чувствуется той широты, что замѣтно у художниковъ русскихъ. Въ картинахъ католиковъ очень часто можно видѣть пропаганду верховенства апостола Петра, у протестантскихъ художниковъ часто замѣчается излишне много реализма. Православными же художниками Христосъ изображается лишь какъ Истина, Путь и Жизнь. Мы не говоримъ уже о тѣхъ особенностяхъ въ technikѣ письма у разныхъ художниковъ и въ разное время, поскольку о ней можемъ судить по репродукціямъ.

Понятно, мы не рѣшаемся рекомендовать альбомъ картинъ изъ жизни Христа для всякаго читателя. Правда, цѣна (46 марокъ=4 р. 60 к.) не такъ высока для этого, но и не такъ мала. Однако, не можемъ не замѣтить, что затрата на книгу вполнѣ

покрылась бы тѣмъ духовнымъ удовлетвореніемъ, какое она можетъ дать всякому благочестивому вѣрующему, особенно же въ минуты душевныхъ невзгодъ и нравственныхъ потрясеній, когда душа какъ нестерпимо алчетъ Христа. Книга очень хороша для подарковъ. Какъ бы то ни было, говоря объ альбомѣ, мы имѣемъ въ виду не частныя бібліотеки, а бібліотеки общественныя, городскія, бібліотеки учебныхъ заведеній, бібліотеки богатыхъ церквей и живописныя школы, которыя мѣстами появляются даже въ деревняхъ. Сугубый интересъ представитъ книга, когда текстъ ея будетъ переведенъ на русскій языкъ.

С.

Содержаніе: Радуйтесь! (Поученіе въ первый день святыхъ и великія Пасхи). — Изъ мыслей Вл. Соловьева о Воскресеніи Христовомъ. — У Гроба Господня (Путевые очерки). — Правднваніе Пасхи въ первые вѣка христіанства. (Литургическая справка). — Пасхальная ночь въ изображеніи русскихъ беллетристовъ позднѣйшаго времени. — Christus. (Библиографическая замѣтка).

Печатать дозволяется. Симбирскъ. 1 апрѣля 1911 года.

Цензоръ протоіерей Сергій Медвѣдковъ.

Редакторъ Н. Колосовъ.

Симбирскъ, 1911 г. Типо-лит. А. Т. Токарева.

ПОЛУЧЕНЫ СЕЗОННЫЕ НОВОСТИ.

РУССКИХЪ И ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ.

МОДНО-МАНУФАКТУРНЫЙ

СУКОННЫЙ МАГАЗИНЪ

наслѣдницы

П. А. ПАСТУХОВА

въ Симбирскѣ, Гостинный дворъ.

фирма существуетъ съ 1865 года.

Имѣетъ въ громадномъ выборѣ:

ФОРМЕННАЯ МАТЕРИЯ

для всѣхъ вѣдомствъ и учащихя.

Суконные, шерстяные, шелковые,
парчевые, полотняные и бумажные
товары.

 Цѣны въ конкуренціи.

Мануфактурная фирма н-цы Пастухова состоитъ контрагентомъ Симбирскаго Общества Потребителей.

ТЕЛЕФОНЪ № 53.